

И. Ф. МИХАЙЛОВ

К ОНТОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация: Концепция жизненного мира, предложенная Гуссерлем в 30-х годах прошлого века, как и аналогичные идеи лидеров других философских и семиотических школ, продолжает оказывать существенное влияние на предметные науки о человеке. Научная экспликация этого понятия и стоящего за ним явления должна опираться на приемлемую онтологию, которая позволила бы интегрировать научные теории, объясняющие базовые характеристики человека: прежде всего, его свойства как существа, согласно Аристотелю, разумного и существа общественного. В статье делается попытка разобраться, какой могла бы быть такая онтология, каким эпистемологическим требованиям она должна соответствовать, и что могли бы выиграть научные теории, опираясь на неё.

Abstract: The concept of *Lebenswelt*, proposed by Husserl in the 1930s, like the similar ideas of the leaders of other philosophical and semiotic schools, continues to have a significant impact on the objective sciences of man. The scientific explication of this concept and the phenomenon behind it should be based on proper ontology that would allow for integration of scientific theories explaining the basic features of man: first of all, his properties as, according to Aristotle, both rational and social being. The paper is aimed to make clear what kind of ontology this might be, what epistemological requirements it must meet, and what advantage scientific theories could take from assuming it as their base.

Ключевые слова: жизненный мир, когнитивные науки, теория сетей, антирепрезентационализм, динамические системы.

Keywords: *lifeworld, cognitive science, network theory, anti-representationalism, dynamic systems.*

Начиная примерно с последней трети XIX в. и по сей день «науки о человеке» — философия, психология, социология и, может быть, другие — в

Михайлов Игорь Феликсович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры философии ФФФ ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: ifmikhailov@gmail.com.

той или иной мере признают, что существенные когнитивные свойства человеческого индивида так или иначе определяются неким более широким контекстом. Наиболее лаконичный термин для обозначения этого контекста — «жизненный мир» (*Lebenswelt*) — был предложен Эдмундом Гуссерлем в «Кризисе европейских наук». Здесь он определяет жизненный мир как «царство изначальных очевидностей»¹ и предлагает оригинальную концепцию, согласно которой «объективные» данные научного опыта, как и математические, геометрические или иные модели, служат средствами научного объяснения не потому, что апеллируют к самой объективности, которая непосредственно в опыте дана быть не может, а именно потому, что используют непосредственные очевидности жизненного мира.

Об этом пишет сам Гуссерль: «Конечно, все «приближенные к созерцанию» представления [“Veranschaulichungen”] идеи по способу математических или естественнонаучных «моделей» — это вовсе не созерцания самого объективного, а созерцания, относящиеся к жизненному миру и предназначенные для того, чтобы облегчить понимание соответствующих объективных идеалов»².

Идеи позднего Гуссерля оказали заметное влияние на концепции А. Шюца и Ю. Хабермаса. Однако и в рамках других философских школ развивались схожие идеи. Так, существуют многочисленные публикации, где проводятся прямые параллели между «жизненным миром» у Гуссерля и «формами жизни», порождающими «картину мира», в философии Витгенштейна³. Относительно последнего, можно также упомянуть его концепцию «онтологических допущений»⁴, образующих сферу общего понимания и делающих возможной коммуникацию.

Сюда же примыкает и идея *Umwelt*, сформулированная в рамках семиотики Я. Иксюлем⁵ и развитая Т. Себеоком⁶, направленная на описание функциональных особенностей мировосприятия у особей различных биологических видов, в том числе человека.

¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. — СПб.: «Владимир Даль», 2004. — С. 175.

² Там же. — С. 175-176.

³ См., напр.: Шумкова Н.В. «Картина мира» Л. Витгенштейна и «жизненный мир» Э. Гуссерля // Философия. Язык. Культура. Вып. 3 / Отв. ред. Горбатов В.В. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 16-37.

⁴ См.: Wittgenstein L. *On certainty*. Oxford, 1980.

⁵ См.: Uexküll, Jakob von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: J. Springer, 1909; а также: Князева Е.Н. Понятие “Umwelt” Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. — 2015. — № 5. — С. 30-44.

⁶ См. об этом: Kull, Kalevi. *Umwelt and modelling*. In: Copley, Paul. *The Routledge Companion to Semiotics*. — London: Routledge, 2010. — P. 43-56.

Umwelt человека может быть понят как жизненный мир человеческого вида, т.е. как специфичность чувственного восприятия и изначальных концептуализаций, предопределённых биологической природой и нервно-психологической организацией *homo sapiens*. Это жизненный мир человека в его предельной общности, за которой следуют жизненные миры отдельных сообществ и индивидов, где к детерминирующим факторам общебиологического характера добавляются культурные особенности больших общностей – такие, как категориальный строй языка и разделяемая мифология – и малых общностей – коллективная память, система авторитетов и т.п.

Очевидно, что онтологическая определённость этого многоступенчатого жизненного мира детерминируется перцептивными – и шире, – когнитивными свойствами человека. Причём, онтологическая определённость в двух смыслах: как источник и конечный семантический референт всех возможных онтологий, выстраиваемых людьми – как научных, так и вненаучных, – а также как реальность, «лежащая под» самим жизненным миром. Как не всегда замечаемый, но от этого не менее важный, этап здания науки, онтология нужна не столько для того, чтобы «дотянуться» до последней реальности, сколько для того, чтобы придать устойчивости зданию теории.

Некоторая онтология является необходимым уровнем теории, поскольку на ней интерпретируются формализмы, и с нею соотносятся факты. Определение множества сущностей, полагаемых в данной теории реальными, выполняет важную эпистемологическую роль: высказывания о реальных сущностях могут быть истинными или ложными, о нереальных – только бессмысленными. Мне представляется, что наиболее вероятное направление поиска искомой онтологической определённости жизненного мира указывает на те множественные сегменты, в которых пересекаются когнитивные и социальные науки.

В этих областях наблюдается возрастающий интерес к изучению влияния нервно-психической организации человека на его социальную организацию. Появляются факты, свидетельствующие об определяющем воздействии нейронных механизмов мозга, химического синтеза гормонов и нейромедиаторов, когнитивных способностей (памяти, склонностей и т.п.), способностей к обучению, распознаванию и категоризации и др. – на скорость формирования, количественные и структурные характеристики социальных связей.

Конкретно-научные исследования последних лет в области наук о мозге (К.В. Анохин, Т.В. Черниговская), психологии (А.И. Назаров, В.А. Ключарев, М.В. Фаликман, И.С. Уточкин, Д.В. Люсин, В.Ф. Спиридонов), об-

шей теории сетей (А.В. Олескин, О.П. Кузнецов) значительно расширили наше понимание когнитивных механизмов человека и некоторых принципов развития сложных, в том числе социальных, систем. К сожалению, новые результаты и концепции пока не привели к созданию эффективной научной методологии, способной интегрировать частные результаты, полученные в рамках отдельных дисциплин, в новаторские междисциплинарные проекты, которые, как показывает мировой опыт, закладывают сегодня фундамент будущей, значительно более эффективной науки. Представители отдельных дисциплин – нейрофизиологи, генетики, психологи, социологи, экономисты, философы – встречаются друг с другом на совместных научных мероприятиях, говорят о важности междисциплинарной интеграции и комплексных исследований человека, но примеры успешных проектов в этой области редки и малоизвестны.

Между тем, прагматично ориентированные зарубежные коллеги сумели создать междисциплинарные длящиеся проекты, которые уже теперь можно считать новыми комплексными научными дисциплинами. В качестве примеров можно назвать когнитивную социологию, теорию когнитивных социальных сетей (КСС), социальную нейронауку и нейроэкономику.

Когнитивная социология изучает, с одной стороны, влияние социальных структур и культурных норм на когнитивные процессы – и здесь можно выделить работы Э. Зерубавеля, К. Серуло, Р. Д’Андреа и К. Стросса, – а с другой стороны, обратное влияние когнитивных структур общественных индивидов на их социальную жизнь, параметры сообществ, культурные процессы (Д. Шпербер).

Теория КСС изучает, как изменения в информационных последовательностях, количестве источников информации (узлов в информационной сети) и в видах источников (человеческие или технические) могут влиять на доверие к получаемой информации и на процессы принятия решений в сетевой среде (Р. Швайкерт, Р. Брэндс, Й. Менгес, М. Килдафф). Здесь используются когнитивные модели для прогнозирования поведения идеального человека-исполнителя, измеряется функционирование реального человека в соотношении с этими идеальными моделями, и в результате определяется, как обратная связь и обучение могут быть использованы для улучшения поведения человека в области принятия решений. Такие исследования финансируются, в частности, Министерством обороны США.

Социальная нейронаука (Дж. Касиоппо, Г. Бернтсон, К. Охнер, М. Либерман) концентрируется на роли нейронных и гормональных механизмов в формировании социальных связей и социальных структур. Этот междисциплинарный проект работает на концептуальное взаимообогаче-

щение нейрофизиологии, биологии и социологии. Нейроэкономику многие рассматривают как раздел социальной нейронауки, изучающий нейронные и когнитивные механизмы, участвующие в экономическом поведении и экономическом выборе индивидов.

Таким образом, уже накоплен значительный концептуальный и эмпирический материал, способный помочь в поиске ответа на наш вопрос: что же такое жизненный мир с онтологической точки зрения. Однако для выработки правильного подхода необходимо сделать несколько замечаний эпистемологического характера. До сих пор в нашем распоряжении имелось два способа познания мира:

- качественно-эссенциалистский, который практикуется в обыденном познании и в метафизике;
- количественно-функциональный, используемый в естественных науках.

Из гиперсетевой теории (ГСТ⁷) следует, что картины мира, которые создаются в рамках первого подхода представляют собой не столько пейзаж реальности или портрет вещи-в-себе, сколько структурно-категориальную модель языка, который используется данным сообществом. Именно в рамках этого способа познания имеют смысл острые дискуссии между наивным реализмом, эссенциализмом, с одной стороны, и номинализмом, с другой, в которых правда, скорее, на стороне последнего. Напротив, в рамках второго подхода не строятся никакие картины, хотя формально-функциональные построения интерпретируются на объектных моделях – научных онтологиях, чья условность и относительность предполагается с самого начала. Однако этот подход оказывается весьма инструментальным, когда речь заходит о превращении знаний в технологии. Т.е., он улавливает что-то важное относительно мира, как он есть сам по себе.

В основе качественно-эссенциалистского способа познания лежит априорное представление о различии объектов, свойств и отношений, а также схема различия терминов по степени общности. Различение объектов и их свойств проявляется, в частности, в том, что один и тот же объект уникален в пространстве и времени, а одно и то же свойство – например,

⁷ Подход, сочетающий коннекционизм и сетевую концепцию общества, который был предложен мною в: *Михайлов И. Ф.* Человек, сознание, сети. – М.: ИФРАН, 2015; *Михайлов И. Ф.* К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 87-98; *Михайлов И. Ф.* Коммуникация и онтология мышления // Человек. – 2015. – № 6. – С. 23-31. Согласно этой теории, во-первых, две «реальности» – ментальная и социальная – связываются единой онтологией и единым формальным (математическим) аппаратом. Во-вторых, в этой интегрированной онтологии новое место занимает язык: он оказывается эволюционно развитым интерфейсом между нейросетью мозга и сетью социальных связей.

цвет — нет. Пространство и время — в логическом, а не физическом отношении — суть условия множественности и изменчивости объектов, что и понималось Платоном и Аристотелем под «материей».

В основе количественно-функционального способа познания лежат, во-первых, сознательно упрощённая онтология, представляющая собой своего рода проекцию наблюдаемой реальности, во-вторых, модель, связывающая элементы этой онтологии с количественными параметрами, и, наконец, система функций, выражающая основные закономерности исследуемой реальности.

Такие, казалось бы, совершенно разные мыслители, как Беркли и Платон, говорили на самом деле одно и то же: объекты — это иллюзия, существуют лишь свойства. Только у Платона свойства существуют как идеи в истинном мире, а объекты возникают как морок, как случайные и несовершенные блики, экземплификации идей при столкновении их с материей. Для Беркли свойства существуют как «мои» ощущения, а объекты суть необязательные дополнения к ним, поставляемые «народной» метафизикой. Однако любая онтология имеет дело с объектами, свойствами и отношениями, решая всякий раз, что мы должны полагать в качестве первых, вторых и третьих.

Но почему она заключена в эти концептуальные рамки? Скорее всего, в этом повинна грамматика языка (или определённой группы языков). Но грамматика не возникает спонтанно. По-видимому, объектно-атрибутивная структура лучше соответствует потребностям коммуникации: «сущностями» оказываются социально значимые конструируемые.

Функционализм может представлять собой альтернативную онтологическую схему. Всё, что есть, — это функции, соотносящие некоторые параметры. Такая онтология менее интуитивна, поскольку не соответствует внутренней структуре естественного языка, но более научно продуктивна, если можно так сказать.

В качестве ближайшей аналогии можно взять графические приложения векторного типа, где изображение определяется не взаимным расположением окрашенных пикселей, как в растровых программах, а функциями, описывающими прямые и кривые линии форм, а также площади, заполняемые определённым цветом. Это язык математики.

История науки и технологий свидетельствует о том, что, если первый способ познания производит некие фундаментальные доктрины, которые оставляют заметный след в истории культуры и формируют умы, то второй порождает теории, которые достаточно быстро превращаются в технологии и меняют жизненный мир человека не только на перцептивном, но и на деятельностном уровне.

С учётом новейших тенденций развития наук о человеке и обществе, можно утверждать, что наиболее приемлемой онтологией, способной объединить когнитивные и социальные науки и сыграть позитивную эвристическую роль в этом проекте, скорее всего, была бы та, которая лежит в основе общей теории сетей, и которую я в дальнейшем для краткости буду называть *сетевой онтологией*. В соответствии с этим взглядом, сознание возникает как эмерджентный эффект нейросетевой организации мозга⁸, а всё многообразие социальных функций и институтов — как эмерджентный эффект сетевой организации общества.

Отличие социальной сети от мозга заключается в том, что мозг состоит из внутренне простых элементов⁹, которые только могут передавать возбуждение по достижении порогового значения. Поэтому всё, что происходит, происходит в сети. Общество же, напротив, состоит из сложных узлов, в каждом из которых протекает своя сетевая жизнь. Поэтому у этой сети есть выбор, использовать свои узлы как простые процессоры, надевая их ограниченным набором функций, или в большей мере полагаться на их внутреннее сетевое устройство. В этом, на первый взгляд, состоит отличие индивидуалистических обществ от массовых. Из концепции языка как интерфейса между обществом и мозгом следует, что о типе общества можно судить по прагматике его языка.

Но что позволяет двум онтологиям считаться частью одной теории? Во-первых, единство формализма: в обоих случаях применима какая-либо версия математической теории сетей. Во-вторых, признание роли языка — линейной символической системы, также вполне доступной для формализации — в качестве интерфейса между двумя сетями. Для завершения строительства этой теории необходимы, прежде всего, новации в её формальной части, а именно, формализм, обеспечивающий взаимопереходы между какой-либо версией семиотики и математической теорией сетей.

Необходимо также иметь в виду, что социальные и ментальные сущности существуют не как статические, а как динамические структуры, как *инварианты событий и структурных взаимодействий*. Их онтологический

⁸ Справедливости ради, нужно отметить, что этот взгляд разделяется даже не всеми нейрофизиологами и психологами. Так, существует заметная отечественная школа, считающая сознание функцией не абстрактной «нейросети», а вполне конкретных биологических и даже генетических механизмов, в которых химия играет более важную роль, чем обмен электрическими импульсами. См., напр., об этом: *Сахаров Д.А.* Нейронная основа мозговых функций: коннектом versus транскриптом // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: Материалы конференции 16 июня 2015 года / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. — М.: БукиВеди, ИППиП, 2015. — С. 395-400.

⁹ С чем также не все согласны: см. предыдущую сноску.

статус во многом связан с грамматикой языка объяснения. Давая имя некоему инварианту событий или социального поведения, мы как бы превращаем его в псевдоонтологическую сущность (имя существительное) — и вот у нас уже «социальные институты» рассматриваются как *элементы* социальной реальности. Правильно построенный язык описания социальной онтологии должен корректно различать объекты, свойства, отношения и функции.

Возможно возражение: если социальная сеть использует нейронные сети мозга своих участников, то не идёт ли здесь речь о каузальном опосредовании социальных связей сознанием — т.е. о тезисе, недостатки которого я собираюсь преодолеть? Ответ — нет, но он потребует некоторых пояснений.

На мой взгляд, привлекательной выглядит гипотеза¹⁰, согласно которой мозг появляется на определённом этапе эволюции как более эффективное средство адаптации, чем гены. Генный механизм предполагает такой принцип естественного отбора, при котором полезные мутации получают преимущество за счёт лучшей выживаемости их носителей и гибели носителей вредных мутаций. Очевидно, что в этом случае процесс адаптации растягивается на многие поколения, со сменой которых постепенно обновляется генотип. С появлением мозга появляется возможность уместить достижение целей адаптации в период жизни одной особи: теперь становится возможным фиксировать полезные паттерны поведения за счёт обучения и закрепления. Но этот вид адаптации не имеет механизмов наследования: наработанные условные рефлексы, привычки и т.п. уходят в небытие вместе с особью. Однако если возникает объективная необходимость в некоторой функции, это значит, что рано или поздно она появится.

Интересный ход незримого архитектора эволюции (метафора) состоял в том, что задача была решена не биологическими средствами, или, по крайней мере, не теми, которые являются биологическими в нашем привычном понимании. Вместо того, чтобы достраивать имеющийся механизм наследования таким образом, чтобы он мог обрабатывать изменения, приобретённые в опыте, природа создала альтернативный — и инженерно более остроумный — механизм наследования специально для этого случая, причём не меняя ничего в органической структуре индивидов, а только за счёт использования эмерджентных эффектов сложных сетевых структур, что было уже опробовано на примере мозга.

¹⁰ Идея была почерпнута мною из устного выступления Т.В. Черниговской на заседании Научно-методологического совета РАН по искусственному интеллекту 11.02.2016.

Цель «демона эволюции» — который, скажу ещё раз, есть чистая и исключительная метафора с моей стороны — состояла в том, чтобы результаты работы каждого отдельного мозга сделать доступными всем индивидам, обладающим мозгом. Для этого была использована архитектура мозга, но на другом материальном носителе — на сети, состоящей из самих индивидов, которые, надо сказать, к этому моменту уже были объединены в более или менее устойчивые сообщества на основе потребностей в половом размножении и совместного добывания жизненных ресурсов. Оставалось только установить между отдельными нейропроцессорами связи, которые можно назвать информационными (не вдаваясь в проблемы определения этого термина).

Необходимо оговориться, что всё, что в моей гипотетической исторической реконструкции описывается в виде скачков в развитии («появление», «установление» и т.п.) в реальности осуществлялось как длительный процесс накопления количественных изменений. Так, появление языка — который, собственно, и обеспечил искомые информационные связи, — ни в коей мере не было ни одномоментным событием, ни вообще «качественным скачком». Речь может идти только о постепенном расширении сферы использования животной сигнальной системы и постепенном её усложнении. На определённом этапе эти сигнальные системы усложнились настолько, что приобрели способность передавать достаточно сложные управленческие импульсы от мозга к стае и в обратном направлении. То есть, отдельные особи получили возможность влиять на поведенческие паттерны других особей и, тем самым, транслировать благоприобретённые полезные паттерны.

Важное расширение функциональности системы социального наследования произошло благодаря появлению письменности. Возникла сложная система семантических (репрезентативных) отношений между словами языка и поведенческими паттернами, с одной стороны, и письменными знаками и словами языка, с другой. Если слова можно рассматривать в качестве триггеров поведенческих действий, то их запись позволяет многократно использовать одни и те же триггеры — полный аналог «хранимых процедур» в теории баз данных или вызываемых библиотек функций в программировании. То, что мы называем «социальной памятью», представляет собой усложнённую систему управления адаптивным поведением, в которой полезные паттерны могут не только передаваться от индивида к индивиду, но и считываться с сохранённых кодов.

В этой связи закономерным, и даже необходимым, выглядит появление «священных текстов», поскольку в этой форме проявилось подлинное назначение текста как такового.

Итак, мы приходим к идее эволюционно развитой суперструктуры, которая сочетает в себе индивидуальные механизмы управления адаптивным поведением на основе обучения и надындивидуальную подсистему хранения и обработки управляющих кодов,

Мозг индивида, включённого в эту суперструктуру, должен научиться обрабатывать не только данные, получаемые из природной среды, но и социальные сигналы. Последние могут содержать не только прямые команды, но и данные о том, что можно было бы назвать эпистемической конфигурацией ближайшего сетевого окружения индивида: кто какими поведенческими паттернами «заряжен» и о каких обстоятельствах осведомлён — учитывая, что и побуждение к поведению, и передача осведомлённости, и ещё многое другое, что составляет модусы социальной коммуникации, также развивается постепенно, шаг за шагом.

Применительно к объектам гуманитарных наук это означает, что интенциональные состояния, которые могут быть описаны как *функции социальных отношений* (коммуникации) должны быть описаны таким образом, а описание остальных должно сместиться на уровень «ниже» — в нейросеть головного мозга. Таким образом, мы получим два типа интенциональных состояний и актов: *супервентные по отношению к социальной коммуникации* и *супервентные по отношению к нейронным связям мозга*. Но при этом для их научного объяснения достаточно в одном случае онтологии, понимающей социальную ткань как системное взаимодействие простых индивидов, а в другом — онтологии, понимающих нейроцеребральную сеть как трансляцию возбуждений между простыми узлами. Ни в одном из этих случаев не требуется никакой дальнейшей редукции.

Возможен вопрос: если общество — это продолжение и расширение мозга, то какие конфигурации его элементов соответствуют или являются носителями ментальных состояний? Такая постановка вопроса, действительно, способна дать начало странным, контринтуитивным и непродуктивным эмпирическим исследованиям.

Как часто бывает с философскими вопросами, для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно от него избавиться. Это можно сделать, избавившись от репрезентационалистской онтологии: представления об особых объектах (конфигурациях) в мыслительном аппарате, которые выступают представителями других объектов.

Что значит для объекта быть репрезентацией другого объекта? Если это значит быть похожим, то — в чьих глазах? Если это значит структурное соответствие, то где критерий такого соответствия и кто его применяет? Один объект может репрезентировать другой только в рамках социальной конвенции. Это значит, что отношение репрезентации и семантическое

отношение знака и обозначаемого идентичны. А это значит, что репрезентационализм неизбежно ведёт к «языку мысли» (*Mentalese*, по Дж. Фодору), который, в свою очередь, ведёт к *парадоксу гомункулуса*: если понимание знаков представляет собой процесс расшифровки мозговых кодов, значит, в мозге имеется некий «понимающий» интерпретатор, природа понимания которого также нуждается в объяснении, и т.д. до бесконечности.

Чтобы избавиться от этого парадокса, достаточно предположить, что на самом деле мозг — это функционально-динамическая система. И таковой же является общество. Их соединяет эволюционно развитый интерфейс — язык, — который, как и всё, появившееся в результате эволюции, технически несовершенно. И именно в этой части гиперсети возникают семантические отношения, навязывающие свою структурность мысленному образу мира, поскольку под мышлением мы понимаем «думание» при помощи слов, которое вполне может оказаться исторически первой, но проходящей формой мышления.

Если мозг являет собой более эффективный механизм адаптации, чем генотип, то общество — это следующий шаг, порождающий собственную «когнитивность». И, если продолжить эту линию на деконструкцию привычных терминов, нужно заметить, что мы говорим о «когнитивных» функциях, поскольку таковыми они выглядят в нашем естественном языке, наполненном терминами «народной психологии».

Таким образом, рассуждение, основанное на беглом анализе современного состояния когнитивных и социальных наук, добавляет аргументы в пользу следующих положений.

1. Перцептивные, когнитивные и концептуальные схемы, составляющие жизненный мир человека, определяются его видовой нейрофизиологической природой, конфигурацией социальных сетей и категориальной структурой языка.

2. Учитывая новейшие тенденции развития конкретных наук о человеке, философии следует отойти от качественно-эссенциалистского образа онтологий и принять количественно-функциональный подход. Применительно к предмету нашего исследования это означает, в частности, принятие сетевой онтологии как для когнитивного аппарата, так и для социальных структур.

3. Вместе с тем, чтобы избавиться от не-необходимых сущностей и не предполагать никаких «репрезентаций» на уровне социальных сетевых когнитивных, было бы целесообразно отказаться от репрезентационализма и других атавизмов «народной психологии» в пользу системно-динамического подхода к деятельности мозга и функционированию общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. — СПб.: «Владимир Даль», 2004. — С. 175.
2. Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. — 2015. — № 5. — С. 30-44.
3. Михайлов И.Ф. Коммуникация и онтология мышления // Человек. — 2015. — № 6. — С. 23-31.
4. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. — М.: ИФРАН, 2015.
5. Михайлов И.Ф. К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. — 2015. — № 11. — С. 87-98.
6. Сахаров Д.А. Нейронная основа мозговых функций: коннектом versus транскриптом // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: Материалы конференции 16 июня 2015 года / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. — М.: БукиВеди, ИППиП, 2015. — С. 395-400.
7. Шумкова Н.В. «Картина мира» Л. Витгенштейна и «жизненный мир» Э. Гуссерля // Философия. Язык. Культура. Вып. 3 / Отв. ред. Горбатов В.В. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 16-37.
8. Kull, Kalevi. *Umwelt and modelling*. In: Copley, Paul. *The Routledge Companion to Semiotics*. — London: Routledge, 2010. — P. 43-56.
9. Uexküll, Jakob von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. — Berlin: J. Springer, 1909.
10. Wittgenstein L. *On certainty*. — Oxford, 1980.